

Лу Чэнь прожил в лагере Клана Волков десять дней и постепенно освоился с местными порядками. Каждый день, еще до рассвета, приходила Бай Шуан, стучала в дверь и вела его на тренировочную площадку. Иногда появлялся и Бай Лан, но чаще всего за тренировками Лу Чэня следила лично Бай Шуан. Ее методы обучения отличались от методов Бай Лана: тот учил в процессе боя, указывая на ошибки уже после того, как нанес удар. Бай Шуан же сначала обстоятельно объясняла теорию, заставляла тренироваться самостоятельно, а затем внимательно наблюдала, отчитывала за промахи и снова отправляла в бой. Лу Чэнь выслушал от нее бесчисленное количество замечаний: Руки выше! Ноги не перекашивай! Держи нож крепче, не вцепился же в него, как в покойника! Ты дрова рубишь или людей? Поначалу Лу Чэнь пытался оправдываться, но позже бросил — он просто молча исправлял то, на что она указывала. И по мере того как она его отчитывала, его владение ножом действительно становилось лучше.

Те Я каждый день приходил на площадку. Он не тренировался, а просто сидел на камне у края поля и наблюдал. Он молчал, на его лице не отражалось никаких эмоций, но Лу Чэнь постоянно чувствовал на себе его взгляд, словно колючую иглу, впившуюся в спину, отчего становилось ужасно не по себе.

Однажды тренировка закончилась, Бай Шуан ушла, а Лу Чэнь в одиночестве собирал оружие. Те Я все еще сидел на своем камне. Лу Чэнь помедлил, а затем подошел и сел рядом.

— Ты каждый день приходишь смотреть на мои тренировки? — спросил Лу Чэнь.

— Не на тебя смотрю, — ответил Те Я. — На них. — Он кивнул в сторону молодых волков, убирающих снаряжение. — А на тебя — попутно.

Лу Чэнь не нашелся что ответить и умолк. Некоторое время они сидели в тишине. Заходящее солнце растянуло их тени на песчаной земле: старый и молодой, высокий и низкий, они напоминали два кривых деревянных столба.

— Рана на руке зажила? — внезапно спросил Те Я. Лу Чэнь посмотрел на ладони: кровавые мозоли покрылись коркой, сквозь которую просвечивала нежная розовая кожа.

— Зажила.

— Бай Шуан дерется жестко.

— Она ко мне неплохо относится.

— Она жесткая с тобой не потому, что хорошо относится, — голос Те Я звучал твердо. — Если Клан Волков к кому-то жесток, значит, они хотят, чтобы этот человек остался. Она считает тебя своим, поэтому и гоняет в хвост и в гриву.

Лу Чэнь замер. Он никогда не смотрел на это под таким углом. Бай Шуан ругала его, била, заставляла тренироваться до рвоты — он думал, что она просто хочет сделать его сильнее, но не искал в этом глубокого смысла.

— Ты спас ее младшего брата, — сказал Те Я. — Она у тебя в долгу. А Клан Волков в долгу не остается.

Лу Чэнь задумался:

— Я не считаю, что она мне должна.

— Это твое дело. А если она считает, что должна — значит, долг есть.

Те Я поднялся и отряхнул штаны от пыли. Его правая нога была повреждена, поэтому вставал он медленно, опираясь на деревянный посох, пока не обрел равновесие.

— Тренируйся усердно. Не позорь мой нож.

— Твой нож?

Те Я не ответил и, опираясь на посох, заковылял прочь. Сделав несколько шагов, он остановился:

— А твой нож, часом, еще не затупился?

— ...Еще нет.

— Завтра принеси, я подправлю.

Лу Чэнь проводил взглядом его удаляющуюся хромую фигуру, ощущая в душе что-то невыразимое.

На следующий день Лу Чэнь принес нож Те Я. Тот сидел у входа в зернохранилище, перед ним лежал точильный камень, а рядом — чаша с водой. Он взял нож, осмотрел его и провел пальцем по лезвию.

— Затупился так, что даже дрова с трудом возьмет.

— Я его никогда не точил, — признался Лу Чэнь.

— Смотри внимательно.

Те Я положил камень на землю, смочил его водой, приложил нож и начал точить. Движения его были неторопливыми, но уверенными, каждое — с одинаковой силой. Лезвие издавало шорох о камень, напоминающий осенний ветер, гуляющий по опавшей листве.

— Точить нож — это не просто железо тереть, это закалять сердце. Если сердце беспокойно, то и удар будет нетвердым.

Лу Чэнь присел рядом и смотрел на его руки. Они были покрыты старческими пятнами и шрамами, пальцы, толстые, как редька, но когда он сжимал нож, рука не дрожала ни на мгновение.

— Попробуй сам, — Те Я протянул ему нож.

Лу Чэнь взял его и попробовал повторить движения. Те Я взглянул на него:

— Ты нож точишь или дерешься с ним? Легче. Силу надо прикладывать иначе.

Лу Чэнь ослабил хватку, и звук лезвия о камень стал тише.

— Вот так. Держи этот нажим. Сто раз проведи, переверни — и еще сто раз.

Те Я поднялся и ушел, опираясь на посох.

Лу Чэнь сидел у зернохранилища: сто движений, перевернул, еще сто движений.

Когда Те Я вернулся, солнце уже склонилось к западу. Он взял нож, осмотрел лезвие, провел по нему пальцем.

— Пойдет. Можно пользоваться.

Он вернул нож Лу Чэню и вытащил из-за пазухи промасленную тряпицу.

— Протри насухо и смажь. Если за оружием не ухаживать, оно ничем от груды металлолома не отличается.

Лу Чэнь взял тряпицу, вытер нож и нанес тонкий слой масла. Лезвие в лучах заката засияло холодным блеском — оно стало вдвое острее, чем когда он только пришел.

— Те Я. — окликнул Лу Чэнь.

— М?

— Спасибо тебе.

Те Я не ответил и, опираясь на посох, ушел.

Прошло еще несколько дней, и на тренировочной площадке Лу Чэнь встретил внука Те Я. Не родного, а внучатого племянника — молодого волка по имени Цин Ши. Он был на год или два старше Бай Лана, крупнее его, а шерсти на лице у него было больше. Во время учебного боя он так отделал противника, что тот едва стоял на ногах.

Бай Шуан, стоявшая у края площадки, кивнула:

— Технику владения ножом Цин Ши перенял у Те Я.

Лу Чэнь присмотрелся к Цин Ши внимательнее. Его нож был очень похож на тот, что был у Лу Чэня — оба были наточены рукой Те Я, и на лезвиях играл тот самый особый блеск.

После тренировки Лу Чэнь нашел Бай Лана.

— Те Я раньше был воином?

— Был, — ответил Бай Лан. — Лучшим воином Клана Волков. Видишь его ухо? Часть отрезана — это Клан Крови постарался. И ногу ему тоже они повредили. В молодости он в одиночку уложил больше десятка воинов Клана Крови. — Голос Бай Лана стал тише. — А потом состарился, воевать больше не мог, вот и поставили его следить за зернохранилищем.

Лу Чэнь молча слушал. Он вспомнил Те Я, сидящего у дверей склада — всегда с посохом, всегда с непроницаемым лицом. Он вспомнил его слова: точить нож — это закалять сердце. Может, Те Я точил не только ножи, но и самого себя.

В ту ночь Лу Чэнь снова пришел к зернохранилищу. Те Я сидел на своем месте, перед ним стояла чаша с вином. Лунный свет падал на его седые волосы, ослепительно ярко.

— Чего опять пришел? — голос Те Я по-прежнему был жестким.

— Не спится.

Лу Чэнь сел рядом.

— Не спится — иди бегай. Десять кругов вокруг лагеря, и сразу уснешь.

— Ты в молодости тоже так делал?

Те Я помолчал.

— В молодости я не бегал. Я пил. Напьюсь — и спишь. — Он взял чашу и отпил немного. — Потом перестал. Хмель мешает делу.

— Какому делу?

— Спасать жизни, — голос Те Я был таким тихим, что Лу Чэнь едва разобрал слова.

Больше он не спрашивал. Они молча сидели, глядя, как луна медленно ползет к верхушкам деревьев. Лунный свет ложился на крышу зернохранилища, на седые волосы Те Я, на недопитую чашу вина. Все вокруг замерло, словно картина.

— Лу Чэнь, — внезапно нарушил тишину Те Я.

— Да.

— Ты человек, но сильнее многих волков.

Лу Чэнь растерялся:

— Я не сильный.

— Я сказал, что ты сильный — значит, сильный, — Те Я не терпел возражений. — Сбежал с рудников, два месяца выживал в лесу в одиночку, убил дикого зверя, спас сына моего вождя. Сильный ты или нет — сам ты можешь не знать, а я знаю.

Он залпом допил остатки вина и поднялся, опираясь на посох.

— Я стар, зрение уже не то. Но некоторые вещи я вижу яснее, чем вы, молодые.

Он ушел. Лу Чэнь долго сидел у входа в зернохранилище. Луна переместилась с востока на запад, роса намочила его одежду. Он встал, отряхнул пыль и побрел в свой маленький деревянный домик. Проходя мимо дома Те Я, он услышал изнутри тяжелый, надрывный кашель. Он постоял немного у порога, но так и не решился постучать.

<http://bllate.org/book/22378/2347701>